

Согласовательная вариативность в грамматиках разной архитектуры: ограничения и перспективы

© 2025

Анастасия Алексеевна Герасимова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
anastasiagerasimova432@gmail.com

Аннотация: Обзор посвящен сравнению двух архитектур грамматики в контексте исследования внутриязыковой вариативности. На материале согласовательного варьирования в русском языке показаны преимущества и ограничения подходов, которые подразумевают бинарное разделение эмпирического материала на допустимый и недопустимый, и подходов, рассматривающих разные уровни грамматичности. В первом случае моделирование вариативности ограничено: существующие модели либо предполагают однозначно определенную деривацию, что принципиально исключает варьирование, либо неспособны ограничить дистрибуцию вариантов. Второй подход предполагает ранжирование грамматических ограничений: в случае варьирования при согласовании постулируется разная сила факторов, способствующих выбору того или иного варианта. Однако данный подход применяется фрагментарно и без достаточного эмпирического обоснования. Для решения проблемы, связанной с интеграцией вариативности в модель грамматики, в статье предлагается сменить методологическую парадигму с дескриптивной на параметрическую. В качестве основного требования к модели внутриязыковой вариативности мы предполагаем ее параметрический характер: в случае согласования подразумевается учет всех параметров, влияющих на выбор согласовательного варианта. Оценить вклад отдельных параметров, а также их взаимодействие позволяют многофакторные количественные подходы. В частности, метод эксперимента в сочетании с приемами метаисследования позволяет обобщить как действие множества факторов в пределах одной конструкции, так и действие одного фактора в различных конструкциях. Кроме того, количественные методы дают дополнительные возможности исследования того, как отдельные грамматические ограничения распределены по индивидуальным грамматикам носителей языка. Таким образом, многофакторный подход позволяет получить принципиально новые обобщения о вариативных явлениях.

Ключевые слова: вариативность, русский язык, синтаксис, согласование, формальный синтаксис, языковая модель

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М. В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

Для цитирования: Герасимова А. А. Согласовательная вариативность в грамматиках разной архитектуры: ограничения и перспективы. *Вопросы языкознания*, 2025, 2: 144–164.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.2.144-164

Agreement variation in different grammar architectures: Challenges and perspectives

Anastasia A. Gerasimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
anastasiagerasimova432@gmail.com

Abstract: This paper compares two grammar architectures in the context of intralingual variation. Using the case of agreement variation in Russian, we highlight the advantages and limitations of approaches

that imply a binary division of linguistic data (grammatical vs. ungrammatical) as well as those that consider gradient judgments. In the first case, modelling of variation is limited: existing models either presume a single definite derivation, thereby excluding any variation, or fail to restrict the distribution of variants. The second approach entails ranking grammatical constraints: in particular, agreement variation is subject to factors of varying strength that influence the selection of the variants. However, this approach is used inconsistently and lacks sufficient empirical justification. To integrate variation into the model of grammar, we advocate shifting the methodological framework from descriptive to parametric. We take the parametric nature to be the main requirement for the model of intralingual variation: in the case of agreement, it is implied that all parameters influencing the choice of the agreement variant are taken into account. The assessment of the contribution of individual parameters or their interaction is possible by means of multifactorial quantitative approaches. In particular, the experimental method in combination with meta-analysis techniques allows us to generalize both the effects of multiple factors within a single construction and the effect of a given factor across various constructions. Moreover, quantitative methods offer novel insights into how grammatical constraints are distributed across individual grammars of speakers. Thus, the multifactorial approach yields profoundly innovative generalizations about variable linguistic phenomena.

Keywords: agreement, formal syntax, language model, syntax, Russian, variation

Acknowledgements: This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project No. 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>.

For citation: Gerasimova A. A. Agreement variation in different grammar architectures: Challenges and perspectives. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 2: 144–164.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.2.144-164

1. Введение

Исследование грамматики всегда начинается со сбора и систематизации языковых фактов. Моделирование языкового явления невозможно без достаточного количества эмпирических данных, которые давали бы представление о дистрибуции определенных конструкций, возможности их лексико-грамматической реализации, а также спектра их синхронного или диахронического варьирования.

Источником эмпирических данных для лингвистических теорий становятся продукты языковой деятельности человека. С одной стороны, эмпирические факты извлекаются из речи — разворачивающегося во времени процесса порождения языковых произведений, которые могут фиксироваться в текстовом виде. Исследователи привлекают как единичные примеры из устных или письменных произведений, так и целые коллекции текстов. Другой источник данных — реакции на языковые стимулы: исследователь обращается к собственному сознанию или интуиции других носителей и суммирует оценки зафиксированных в речи или сконструированных языковых выражений.

Связь эмпирического материала с аналитическими построениями в теории грамматики обеспечивается упорядочиванием данных в качественные противопоставления. Последовательно выделяются грамматические параметры, которые задают реализацию регулярных грамматических закономерностей, и ограничивается множество значений, которые эти параметры могут принимать. Модель грамматики в таком случае имеет вычислительный характер: факт использования конструкции в речи или положительное суждение свидетельствуют о том, что грамматика должна порождать данную языковую конструкцию.

Несмотря на широкую распространенность, представленная парадигма исследования — не единственно возможная. Подобная интерпретация эмпирических фактов актуальна прежде всего для такой архитектуры грамматики, в которой все возможные цепочки языковых единиц разделяются на две категории: те, которые могут порождаться по правилам грамматической системы, и те, которые не могут. Иными словами, совокупность грамматических ограничений играет роль бинарного классификатора для продуктов деривации.

Отсюда предложенное Дж. Спраузом обозначение такой архитектуры как **бинарно-категориальной** (англ. binary-categorical) [Sprouse 2015].

Бинарное разделение материала на допустимый и недопустимый ограничивает модель грамматики с точки зрения репрезентации явлений. В статье мы рассмотрим одно из проявлений сужения множества моделируемых явлений, состоящее в ограниченном синтаксическом представлении внутриязыковой вариативности. На примере моделирования согласовательной вариативности, в частности в русском языке, мы покажем ограничения и отрицательные стороны бинарного подхода к эмпирическому материалу. Мы обсудим альтернативную архитектуру грамматики и ее приложение к проблематике варьирования согласования. В результате обсуждения будет предложено решение, состоящее в смене методологической парадигмы: в качестве перспективного подхода к моделированию явлений внутриязыковой вариативности мы видим многофакторные количественные подходы к сбору данных. В заключение будут оценены перспективы развития двух архитектур грамматики с учетом смещения интереса исследователей в сторону вариативного языкового материала.

2. Бинарно-категориальный подход к моделированию согласования

Необходимое условие для грамматически правильного языкового выражения — наличие синтаксических отношений между его составляющими. Согласование является тем видом синтаксической связи, который обеспечивает единство значений грамматических признаков в пределах определенной синтаксической области. Формально согласование определяется следующим образом: согласующаяся составляющая (мишень согласования) получает признаки от той составляющей, с которой происходит согласование (контролер согласования) в некоторой локальной области (см. [Кибрик 1992; Тестелец 2001; Лютикова 2015]). При этом согласование может выглядеть не только как уподобление согласующихся слов по всем признакам контролера (как при согласовании внутри именной группы), но и как одновременное взаимное соотнесение признаков (как при координации подлежащего и сказуемого).

Центральной в бинарно-категориальной группе синтаксических моделей согласования оказывается идея однозначной импликации согласовательных признаков. В первую очередь мы рассмотрим универсальные формальные синтаксические модели согласования, а затем обсудим конкретно-языковые бинарно-категориальные подходы на материале русского языка.

2.1. Бинарно-категориальные модели согласования в генеративной грамматике

В формальных подходах, сложившихся в рамках генеративного синтаксиса, в фокусе внимания оказывается деривация предикативного согласования с подлежащим. Первые версии генеративной грамматики рассматривали согласование как часть трансформационного компонента — модуля грамматики, который включает правила, позволяющие совершать операции над синтаксическими элементами [Chomsky 1957]. Трансформации преобразовывали так называемую «глубинную структуру», составленную исключительно по правилам фразовой структуры, в поверхностную, которая поступает на вход морфофонологического компонента. Так, в английском языке предикативное согласование по числу моделировалось с помощью контекстно-зависимого правила трансформации

числа: в контексте именной группы единственного числа в любом времени, кроме прошедшего (*past*)¹, к предикату добавляется морфема *-s*, в другом контексте форма остается без изменений [Ibid.: 112].

По мере развития генеративной теории уточняется способ представления признаков в модели, и к узлам фразовых категорий добавляется признаковая матрица [Postal 1966]. Процесс согласования при этом рассматривается как копирование признаков контролера согласования в матрицу признаков мишени. Признаки рода, числа и лица исходно вступают в синтаксическую деривацию из лексикона, будучи характеристикой имени, но посредством трансформаций передаются и находят выражение на других синтаксических элементах, например на артикле или предикате.

Роль согласования в генеративной грамматике остается второстепенной до перехода к минималистской программе, в которой соотнесение признаков составляющих признается движущей силой деривации [Chomsky 1995]. В рамках теоретической программы минимализма устанавливается следующий порядок согласования. На первом этапе вершина-зонд с неозначенными признаками ищет в своей локальной области составляющую-цель с соответствующими означенными признаками. Далее между зондом и целью устанавливается отношение согласования посредством специальной операции «Agree», в результате чего неозначенные признаки получают значение. Минимальность теории проявляется среди прочего в идее о том, что деривация должна быть насколько возможно эффективной и приходиться к конечному синтаксическому представлению за наименьшее количество шагов. Проверка признаков и их означивание необходимы для того, чтобы в синтаксической конструкции остались только признаки, которые могут быть интерпретированы на уровне логической формы, и в результате работы вычислительного компонента грамматики получилось корректное языковое выражение.

В рамках минималистской программы исследователи обращаются ко все новым эмпирическим данным о согласовании, уточняя отдельные шаги и характеристики этого механизма. Например, по-разному решается вопрос о том, из каких квантов состоит операция «Agree» (ср., например, разделение на две операции в [Bhatt, Walkow 2013] и [Arregi, Nevins 2012]), в каком направлении происходит зондирование признаков (ср. изменение направления зондирования в [Zejlstra 2012] и [Wurmbrand 2012; 2014; 2017]), как обрабатываются грамматические признаки, по которым происходит согласование (ср. выделение отдельных зондов для категорий числа и лица в [Béjar, Rezac 2003] и представление признаков в виде графа в [Preminger 2014]).

Разнообразие существующих подходов к моделированию согласования обусловлено тем, что модели обращаются к различным эмпирическим данным и отражают отдельные аспекты согласовательной проблематики. Так, например, модель обратного согласования «Reverse Agree» позволяет моделировать конструкции с несколькими именными группами в именительном падеже в японском языке (см. [Zejlstra 2012]), а модели, предполагающие различия в признаковых оппозициях (как [Béjar, Rezac 2003] и [Nevins 2011]), позволяют описать лично-падежные ограничения (англ. *person case constraints*), например, в греческом или испанском, учитывая притом типологические обобщения о распределении значений категорий лица, числа и рода.

Тем не менее существенную сложность для генеративных моделей представляют такие ситуации, когда импликация признаков происходит неоднозначно, что приводит к варьированию согласовательных вариантов. Эмпирически вариативность выражается в доступности более чем одного варианта выражения определенного грамматического значения в фиксированном грамматическом контексте. В качестве примера приведем согласование в конструкциях с количественными существительными в русском языке. Так как принимается, что слова некоторого класса обладают одной согласовательной моделью, мы

¹ В случае признака прошедшего времени трансформационное правило подразумевает вставку соответствующей формы глагола.

ожидаем, что импликация признаков происходит однозначно и единообразно. Однако при атрибутивном согласовании в таких конструкциях атрибут может согласовываться как непосредственно по признакам количественного существительного (1a), так и семантически, по множественному числу (1b). Предикативное согласование в подобных конструкциях также вариативно: допустимо как согласование по грамматическому единственному числу (2a), так и по прагматическому множественному (2b).

- (1) а. *Где моя тысяча рублей?* [<https://www.banki.ru/services/questions-answers/?id=1771062&p=6775>]
 б. *А мои тысяча рублей, это зарплата в день одного из сотрудников* [https://pikabu.ru/story/bespredel_ot_sochinskogo_moremola_5168031?cid=90759072].
- (2) а. *Основная масса студентов пришла к выводу, что без человека освоение космоса невозможно!* [<https://ok.ru/perevozkolledzh/topic/153565156298824>]
 б. *В этом году основная масса студентов пришли на танцы без «обязаловки», а по собственной инициативе* [<https://zapad24.ru/news/nazarovo/56378-v-nazarovo-proshel-studencheskiy-bal.html>].

В работах, выполненных в рамках генеративного синтаксиса, обнаруживается несколько способов объяснить деривацию альтернативных согласовательных вариантов. Во-первых, причиной изменения стратегии согласования считается «дефектность» потенциального контролера согласования. Такое решение принимается в [Bhatt, Walkow 2013] при моделировании различий в согласовательной стратегии подлежащего и объектного согласования в хинди-урду: если в первом случае согласование происходит по множественному числу, то во втором выбирается дефолтная стратегия согласования. Р. Бхатт и М. Вальков предполагают «деактивированность» объектной именной группы, в результате которой означивание признаков становится просто невозможно. Аналогичное решение мы находим при моделировании согласования в биноминативных предложениях в [Béjar, Kahnemuyipour 2017; 2018]: согласование с именной группой в постпозиции к связке в (3) рассматривается как результат «дефектности» именной группы в препозиции ввиду отсутствия признака лица.

- (3) Немецкий [Béjar, Kahnemuyipour 2017: 464]
Der Mörder bist du.
 the murderer be.2sg you.NOM
 ‘Ты убийца’.

Во-вторых, варьирование представляется как результат сосуществования в языке структурно омонимичных конструкций. Омонимия может касаться, например, промежуточных позиций для передвижения, как в случае анализа согласования в биноминативных предложениях Ю. Хартманн и К. Хейкок [Hartmann, Neusock 2016; 2017]. Предполагается, что в случае одной синтаксической конструкции в результате передвижения именная группа видима для зонда согласования, а в случае другой конструкции — нет. Внутрязыковая вариативность при этом объясняется сосуществованием в языке нескольких вариантов грамматик.

Третье решение состоит в том, чтобы в принципе исключить причины согласовательной вариативности из синтаксического компонента грамматики. При моделировании явлений дефолтного означивания признаков, лично-падежных ограничений, эффектов повышения грамматичности предложения при использовании синкретичной формы мишени формулируются гипотезы о морфологической природе отдельных этапов согласования (см., например, [Nevins 2007; Sigurdsson, Holmberg 2008; Preminger 2011; Ackema, Neeleman 2018; Neusock 2021]). Попытки объяснить эффекты линейного порядка при согласовании с сочиненными группами, а также зависимость доступных согласовательных стратегий от частотности лексем, которые являются конъюнктами, приводят к идее о том, что вычисление

признаков происходит только при переходе от грамматического представления к порождению на основании особого набора конвенциональных правил [Lyskawa 2021]. Так выбор согласовательной стратегии оказывается вне сферы действия синтаксических правил.

Итак, стандартная модель согласования в генеративной грамматике не способна объяснить вариативное согласование, а попытки расширить модель за счет включения нескольких путей деривации, на наш взгляд, имеют ряд недостатков. Главное упущение состоит в том, что нет возможности ограничить дистрибуцию вариантов. Как «дефектность» синтаксического элемента, так и омонимия синтаксической структуры предполагают случайный выбор синтаксической конфигурации в деривации. В случае выноса операции согласования на морфонологический интерфейс также отсутствует какая-либо формализация выбора согласовательной стратегии. Другая проблема состоит в том, что в редких работах приводятся независимые свидетельства механизма, обеспечивающего вариативность, связываемые с другими фрагментами грамматики, а в таком случае модель оказывается *ad hoc* и несет не объяснительную или обобщающую, а чисто описательную функцию.

По сути, в представленных решениях мы наблюдаем попытки обойти ограничения бинарно-категориальной архитектуры, которые реализуются двумя способами. С одной стороны, изменяются начальные условия деривации за счет смены согласовательных или селективных признаков единицы лексикона, вследствие чего появляется «дефектность» элементов или дополнительные синтаксические позиции. С другой стороны, изменяются параметры приведения языкового выражения к фонетической форме уже после того, как деривация сошла. В этой связи релевантным становится вопрос о том, какие признаки поступают в морфофонологический компонент и как они могут воплощаться в согласовательных показателях. Сама же деривация остается однозначно определенной².

2.2. Бинарно-категориальные модели согласования в русистике

В истории изучения русского синтаксиса развитие бинарно-категориальных моделей согласования можно связать с сомнениями в универсальности подчинительной связи при согласовании. В традиционной русистике уподобление форм, наблюдаемое при согласовании, связывается с подчинением зависимого слова «господствующему» [Пешковский 1938: 68]. Начиная с Академической грамматики русского языка 1960 г. уподобление постулируется не само по себе, но по отношению к морфонологическим категориям рода, числа и падежа для именных категорий и категорий лица и числа для глаголов [АГ 1960: 22–23; АГ 1970: 493; РГ 1980: § 1815]. Непосредственная синтаксическая связь между зависимым и главным словами спорна в случаях, когда согласуемое слово и согласующее слово не входят в одну синтаксическую конструкцию, что происходит, например, при согласовании с союзным словом *который* (4а) или при согласовании существительного с прилагательным во вторичной предикации (4б) [Иомдин 1990]. В терминологии А. Е. Кибрика данные конструкции являются примерами «двойного подчинения» и «обратного подчинения» соответственно. К третьему типу конструкций с согласованием, в которых подчинение зависимого слова главному в традиционном понимании не соблюдается, относится так называемое «взаимное подчинение», постулируемое при согласовании подлежащего и сказуемого [Кибрик 1977; 1992: 105–112].

² Заметим при этом, что формальные модели вариативного согласования рассматривают исключительно предикативное согласование. По-видимому, это можно связать с центральной ролью, которую в минимализме занимают падежная проблематика и ее связь со структурными характеристиками подлежащей именной группы. Случаи объектного согласования, а также посессивное согласование в именной группе моделируются сходно с субъектным согласованием.

(4) а. *Девушка, которую он назвал своей сестрой, с первого взгляда показалась мне очень миловидной* [И. С. Тургенев. Ася (1858)].

б. *Леня был добрым и мягким...* [Александра Маринина. Чужая маска (1996)]

Другой недостаток, который отмечают исследователи, — неформальность и нестрогость традиционных определений. В частности, неясно, как можно определить уподобление прилагательного и существительного при согласовании по роду, если в целом можно поставить под вопрос как единство категории рода для двух классов слов [Кибрик 1977; 1992: 119], так и в принципе эквивалентность дескриптивных категорий для разных языков [Haspelmath 2010].

Решением указанных проблем становятся формальные определения согласования, которые не связаны непосредственно с подчинением и формулируются как результат импликации признаков на одном слове признаками другого слова, см., например, в [Кибрик 1992: 116]. Позднее такая импликация признаков постулируется уже для словоформ [Июмдин 1990; Мельчук 1993] или фразовых категорий [Тестелец 2001: 375–382]. Случаи вариативного согласования, подобные (1)–(2), при этом относятся к категории **осложненного** согласования, которое отклоняется от **стандартного**. Причины отклонений связываются либо с контекстными условиями употребления словосочетания, либо с синтаксическими и лексическими особенностями слов, которые входят в согласовательную связь [Июмдин 1990].

Попытку включить периферийные ситуации в общее определение согласования предпринимает И. А. Мельчук. Формулируя определение согласования в рамках модели «Смысл \leftrightarrow Текст», он предполагает, что граммема согласующейся словоформы может выбираться не только в зависимости от грамлемы той же словоизменительной категории согласующей словоформы, но и в зависимости от семантических компонентов словоформы или от свойств ее референта [Мельчук 1974/1999]. Такое определение позволяет постулировать согласование, например, в случаях согласования с сочинительными конструкциями, при рассогласовании по категории рода или при указанном выше согласовании с количественными существительными. В то же время такое определение согласования делает менее четким разграничение согласования и управления. И. А. Мельчук вынужден дополнительно оговаривать, что в случае управления, при котором граммема управляемой словоформы выбирается в зависимости от некоторого семантического компонента управляющей словоформы, этот семантический компонент не связан с категориями согласовательного класса, лица или числа.

Другой возможный способ формализовать вариативное согласование — постулировать двойную импликацию признаков, как это делает И. А. Мельчук уже в другой работе для моделирования вариативности при прагматическом согласовании с гибридными существительными [Мельчук 1993: 36–37]. В модели предполагается две возможности: первая — согласующая словоформа с постоянными грамматическими признаками может навязывать согласующейся либо одну граммему, либо другую (*директор пришел / пришла вовремя*), и вторая — согласующая словоформа может одновременно навязывать двум согласующимся словоформам разные грамлемы (*генеральный директор пришла вовремя*). При том что такая формулировка верно описывает эмпирический материал, остается неясным, в каких случаях осуществляется выбор в пользу того или иного варианта.

Итак, отечественные формальные подходы к согласованию хотя и устраняют часть недостатков, которые обнаруживаются в традиционных определениях, тем не менее, как и генеративные бинарно-категориальные модели, не способны справиться с варьированием. При условии однозначной импликации согласовательных признаков ситуации вариативности выносятся на периферию внимания исследователей. Ситуации вариативности описываются: например, Л. Л. Июмдин [1990] при формулировании операционных правил осложненного согласования фиксирует действующие ограничения на выбор формы. Однако формализация не имеет необходимой полноты: ограничения Л. Л. Июмдина затрагивают только случаи запрета определенных форм и не описывают приоритет одного варианта

над другим. Дескриптивный подход не предлагает решений, которые позволили бы теоретизировать о том, в каких условиях и за счет каких механизмов деривируются альтернативные варианты согласования³.

3. Альтернативная архитектура взвешенных ограничений

Бинарно-категориальная архитектура грамматики предполагает, что грамматика различает только грамматически правильные и грамматически неправильные предложения. Альтернативная концепция состоит в том, что грамматические ограничения не равноправны и нарушение одних ограничений менее критично, чем нарушение других. Тогда в результате комбинации разных грамматических ограничений должны возникать разные уровни грамматичности. Ввиду того, что грамматические ограничения ранжируются, в [Sprouse 2015] указанная архитектура получает название **теории со взвешенными ограничениями** (англ. *weighted-constraint theories*): ограничения имеют разные веса, и итоговое суммирование весов нарушенных ограничений позволяет сделать вывод о том, допустима определенная деривация или нет.

3.1. Примеры теорий со взвешенными ограничениями

К архитектуре взвешенных ограничений в первую очередь можно отнести теорию оптимальности, которая возникла в рамках фонологии и далее применялась к различным уровням языка, от синтаксиса [Barbosa et al. 1998; Legendre et al. (eds.) 2001] до семантики и прагматики [Hendriks, de Hoop 2001; Blutner 2000; Blutner, Zeevat (eds.) 2003]. Для моделирования грамматики в подобном ключе простого набора качественных противопоставлений оказывается недостаточно. В этом случае качественные противопоставления аналитически раскладываются на более сложную систему признаков, на базе которой формулируются упорядоченные ограничения. Причем вполне возможно, что ограничения, расположенные в конце списка, в принципе не проверяются, если вышестоящие ограничения привели к запрету определенной структуры. В отличие от бинарно-категориальной архитектуры штраф за нарушение ограничения применяется условно: если ограничение не проводит различия между языковыми выражениями-кандидатами, штраф в виде неграмматичности не начисляется. Набор ограничений и их порядок выводятся дедуктивно, в том числе исходя из типологических данных. Таким образом, грамматика приобретает количественные характеристики, хотя в качестве эмпирического базиса использует качественные противопоставления.

Рост технологий хранения и использования данных, и, как следствие, все большая доступность электронных корпусов текстов и автоматизация поиска по ним привели к развитию ряда концепций, которые также отказываются от категориального подхода к грамматике и предполагают континуальную природу языковой способности. Вместо фиксированных ограничений, обладающих равным или различным весом, движущей силой грамматики становятся количественные характеристики языковых единиц. Предполагается, что грамматика определяется языковым опытом и всякий новый языковой опыт,

³ Впрочем, решение этих вопросов ортогонально тем задачам, которые стоят перед указанными формальными моделями: создание универсального и типологически адекватного определения согласования А. Е. Кибрика, переход от текста к его семантическому представлению в модели И. А. Мельчука, составление по возможности полного набора правил согласования для систем автоматического перевода Л. Л. Иомдина.

будь то продукция или восприятие речи, определенным образом влияет на имеющееся вероятностное распределение грамматических характеристик. Прежде всего речь идет об использовании эффектов частотности в таких направлениях лингвистики, которые связывают грамматику с употреблением (англ. *usage-based grammar*) или в целом с вероятностным распределением грамматических характеристик (англ. *probabilistic theories*) [Bod et al. (eds.) 2003; Gahl, Garnsey 2004; Jaeger, Snider 2008].

Идею градуальности грамматики мы встречаем и в работах генеративистов. Уже Н. Хомский отмечает: «Like acceptability, grammaticalness is no doubt a matter of degree» [Chomsky 1957; 1961; 1965: 10–11]. Дж. Лакофф также приходит к заключению, что все составляющие грамматики имеют вероятностную природу (англ. *apply to a degree*) [Lakoff 1973]. Более того, Дж. Лакофф предполагает, что у разных носителей языка пограничные значения допустимости различаются в зависимости от грамматического феномена. В качестве примера воплощения идеи ранжированности ограничений в генеративной грамматике можно привести модель «десятиборья» С. Фэзерстона [Featherston 2019]. В этой модели, как и в рамках генеративных подходов, все ограничения применяются ко всем структурам, но при этом штрафы за нарушение ограничений варьируют и суммируются, в результате чего возникает большая или меньшая неграмматичность. Иными словами, все ограничения грамматики трактуются аддитивно. Выбор итоговой структуры — победителя — определяется степенью грамматичности, а также некоторым вероятностным элементом, благодаря которому иногда получаются субоптимальные формы.

Ввиду того, что две рассматриваемые архитектуры грамматики по-разному задают возможные отличия в грамматичности языковых выражений, в них различается интерпретация градуальности в суждениях носителей о языковом материале. В случае бинарно-категориальных теорий причиной вариативности в суждениях могли бы быть сложности обработки материала при порождении и понимании. Эта идея, впрочем, не находит сколько-нибудь детализированной реализации в теории языка: единственная предметная гипотеза на этот счет касается связи приемлемости конструкции с объемом рабочей памяти говорящего, но она не находит достоверного подтверждения (см. [Sprouse et al. 2012]). Теории со взвешенными ограничениями трактуют различную степень приемлемости предложений как результат комбинации различных значений ограничений, одни из которых оказываются более значимыми, чем другие. Соответственно, иначе должны моделироваться случаи внутриязыковой вариативности. Обсудим, как подход со взвешенными ограничениями преломился в контексте исследований согласовательной вариативности.

3.2. Сильные и слабые ограничения на вариативное согласование

Идея упорядочивания грамматических ограничений при описании варьирования в согласовании получила свое развитие в рамках функционально-типологического направления. В нем особое внимание уделяется определению особенностей прототипической ситуации согласования, что в свою очередь позволяет более точно установить, при каком соотношении контролера и мишени обнаруживается вариативность. Так, Г. Корбетт предлагает 19 измерений для идентификации канонического согласования [Corbett 2003]. Указанные измерения складываются в три основных принципа: (i) каноническое согласование скорее избыточно, нежели просто информативно, (ii) оно синтаксически просто и (iii) включает «каноническую» словоизменительную морфологию.

Для ситуаций вариативности в функционально-типологических работах проводится типизация контролеров и мишеней согласования. Е. С. Скобликова [1970; 1971] выделяет четыре типа согласования в русском языке, каждый из которых используется при разных типах контролеров: грамматическое и семантическое, а также условно-грамматическое (дефолтное) и ассоциативно-грамматическое (по родовому наименованию). Г. Корбетт выделяет

три типа контролера в славянских языках, которые приводят к варьированию при предикативном согласовании по числу: сочиненные именные группы, комитативные конструкции и количественные конструкции [Corbett 1983: 64]. Также выделяется четыре типа мишенной согласования, которые выстраиваются в иерархию в зависимости от вероятности семантического согласования: атрибутивные модификаторы (наименее вероятно), предикат, относительное местоимение и анафорическое местоимение (наиболее вероятно) [Corbett 1979; 1983]. Сопоставление разновидностей согласования позволяет увидеть, какие комбинации вариантов возможны в контексте различных контролеров согласования. Однако систематизация такого типа не уточняет, что определяет собственно выбор того или иного варианта.

Анализ дистрибуции имплицированных признаков при вариативном согласовании мы находим также в количественных исследованиях согласования в русском языке. В отечественном языкознании первые результаты систематического сбора количественных данных о согласовании связаны с Вопросником по современной русской морфологии Института русского языка [Вопросник 1963; Панов (ред.) 1968; Мучник 1971]. При том что это было первое количественное исследование варьирования при согласовании, стоит отметить его ограниченность: согласовательная вариативность исследовалась фрагментарно, только явление рассогласования по роду (ср. *новая врач, врач пришла*) рассматривалось с достаточной степенью подробности.

Более системный подход к рассмотрению варьирования при согласовании применялся при составлении частотно-стилистического словаря на основе газетного корпуса 1960–1970-х гг. [Граудина и др. 1976]. В данном словаре впервые согласовательная вариативность параметризуется: помимо собственно данных о распределении вариантов приводится также справка о том, в каких условиях, по наблюдениям авторов, увеличивается вероятность употребления того или иного варианта. Например, в качестве факторов, способствующих выбору единственного или множественного числа при согласовании с конструкциями с количественными существительными (*большинство, ряд, куча*) выделяют линейную позицию подлежащего относительно сказуемого, удаленность сказуемого от подлежащего, активность / пассивность субъекта действия и др.⁴

Анализ факторов вариативного согласования в ключе грамматической архитектуры со взвешенными ограничениями мы видим уже в более поздних работах по русистике. Так, В. З. Санников [2008] не ограничивается описанием факторов, которые влияют на выбор варианта согласования, а разделяет их по силе. Например, при формализации наблюдений о предикативном согласовании с сочиненным подлежащим выделяются **сильные** факторы согласования, которые однозначно определяют выбор стратегии согласования по числу, и **слабые** факторы, которые только способствуют той или иной стратегии согласования, но не навязывают ее в обязательном порядке.

Разделение факторов на группы и параметризация вариативности продолжается в недавних корпусных исследованиях. В работе [Пекелис 2013] устанавливаются факторы, влияющие на предикативное согласование при сочинении с двойными союзами *и...и, ни...ни, или...или, то...то*. На материале НКРЯ показывается, что для разных союзов факторы обладают различной степенью релевантности. Например, порядок конъюнктов нерелевантен для союза *ни...ни*, хотя является сильным для союзов *и...и* и *то...то*, то есть может привести к неграмматичности согласования по единственному числу при прочих равных условиях. Также на материале НКРЯ проверяется действие факторов семантики предиката, его времени и частеречной принадлежности на выбор согласовательной стратегии в конструкциях с постпозитивным определительным оборотом с союзным словом *кто*, вершиной которого является кванторное местоимение *все* или указательное местоимение *те* (*все /*

⁴ Факторы подобного рода фигурировали ранее в другой группе источников данных о вариативности — в пособиях по стилистике, например в справочнике [Розенталь 1967]. Однако в частотно-стилистическом словаре рекомендации по выбору того или иного варианта согласования в различных контекстах впервые получили эмпирическое обоснование.

те, кто хотел / хотели получить новогодний сладкий подарок, уже давно это сделали) [Сидорова 2014; 2017; Добрушина, Сидорова 2019]. Другой пример количественного исследования согласовательной вариативности — серия корпусных исследований предикативного согласования с конструкциями с количественным значением (с числительными и количественными существительными) Ю. М. Кувшинской [2013; 2015; 2019], в которых показывается, что исследуемые факторы по-разному проявляют себя в отношении различных количественно-именных сочетаний, а выбор предикативного согласования определяется во многом коммуникативной организацией предложения и семантическими особенностями количественных существительных.

При том что параметризация вариативности и выделение и классификация релевантных факторов оказываются существенным шагом вперед по сравнению с чисто дескриптивными подходами, новые решения не лишены недостатков. Во-первых, в теоретических работах о вариативном согласовании исследователи, хотя и классифицируют контексты вариативности и описывают допустимые и предпочтительные стратегии согласования, руководствуются в описании единичными примерами из корпусов литературных текстов и интроспективными суждениями о большей или меньшей приемлемости согласовательных вариантов, которые зачастую бывают противоречивыми и исчерпывающими. В качестве примера приведем суждения о контролере согласования при сочетании союза *a* с частицей *ne*. В. З. Санников [2008: 153] предполагает, что контролером согласования в таких конструкциях является ближайший конъюнкт, в то время как в работах Д. Э. Розенталя [1974: 239] и В. Н. Перетрухина [1979: 174] контролером предлагается считать существительное вне сферы действия частицы *ne*. Фактически спор сводится к тому, какой вариант согласования является более приемлемым: (5а), соответствующий первой позиции, или (5б), соответствующий второй.

(5) а. *Мать, а не отец сказал мне об этом.*

б. *Мать, а не отец сказала мне об этом.*

В этом отношении результаты корпусных исследований оказываются более достоверными. Впрочем, для них характерно то, что углубленное рассмотрение параметров и условий согласования проводится обыкновенно по отношению к конкретным конструкциям. Вариативность согласования рассматривается в форме отдельных сюжетов, которые охватывают лишь подмножество выделенных факторов. Пожалуй, только в работах Ю. М. Кувшинской ставится цель упорядочить исчерпывающую совокупность факторов, способствующих выбору той или иной согласовательной стратегии в контексте количественных конструкций, и уточнить степень их влияния. В целом же собранная статистика характеризует только отдельные, непересекающиеся области грамматики вариативности.

Далее, вопросы вызывает ранжирование факторов по силе влияния. Сила фактора оказывается условным понятием и не подтверждается количественными соображениями даже в корпусных исследованиях. Более того, авторы выделяют разные уровни влияния факторов, см., например, градацию влияния факторов контекста на предикативное согласование с квантификаторами-существительными (*половина, часть, ряд, множество*) в [Кувшинская 2019: табл. 20]: очень высокое, высокое, невысокое, среднее, низкое, нет.

Примечательно также то, что факторы согласовательной вариативности для различных феноменов пересекаются, но их независимая характеристика не выводилась в предшествующих работах и в принципе оказывается не выводима из тех данных, которые имеются: в литературе все характеристики факторов описываются исследователями субъективно (например, с точки зрения «силы») и зависят от условий проведения конкретного исследования. В то же время, если мы вернемся к архитектуре грамматики со взвешенными ограничениями, выделенные факторы вариативности могли бы интерпретироваться в качестве упорядоченных грамматических ограничений. Кроме того, ожидается, что их действие должно быть универсальным в различных областях грамматики.

Наконец, отметим, что сопоставление разновидностей согласования позволяет увидеть, какие комбинации вариантов возможны в контексте различных контролеров согласования, а также распределение доступных вариантов в зависимости от условий импликации признаков. Однако проведенная систематизация не уточняет, почему происходит выбор в пользу того или иного варианта и как устроено вычисление признаков. Авторы ограничиваются эмпирическими обобщениями, но не прибегают к теоретическому моделированию. В этом параметрический подход немногим отличается от бинарно-категориальных моделей согласования, которые также неспособны моделировать деривацию конкурирующих вариантов.

4. В поисках альтернативной исследовательской программы

Итак, на примере проблематики вариативного согласования мы сравнили два подхода к теоретической интерпретации языкового материала: бинарно-категориальный и основанный на взвешенных ограничениях. Мы продемонстрировали, что ни в одной из двух возможных архитектур грамматики не представлено объяснительно адекватной и эмпирически полной модели согласовательной вариативности. Ниже мы подытожим проведенное сопоставление, обсудим, как могла бы выглядеть программа исследований вариативности, и предложим методологические решения, которые, на наш взгляд, позволят сохранить положительные стороны обеих архитектур.

4.1. Требования к модели внутриязыковой вариативности

Анализ предыдущих исследований, посвященных согласовательной вариативности, позволяет сформулировать требования к соответствующей синтаксической модели. Мы предполагаем, что модель согласования должна быть одновременно достаточно **гибкой**, чтобы допускать параметрическое варьирование механизма согласования в зависимости от набора формальных признаков, и достаточно **рестриктивной**, чтобы эффективно ограничивать это варьирование.

Как мы увидели, бинарно-категориальные модели вариативного согласования успешны в плане экономности синтаксического описания и мотивированности этапов деривации, однако допускают излишнюю свободу в результатах деривации. Разнообразие существующих подходов мы связываем с разнообразием эмпирических данных, на которых строится модель, а также с тем, что различные модели фокусируются на отдельных аспектах согласовательной проблематики. Факторы, связанные с синтаксическим окружением контролера и мишени согласования, их взаимным расположением, конкретными грамматическими характеристиками, практически лишены внимания исследователей и никак не встраиваются в модель. В рамках архитектуры взвешенных ограничений, напротив, формулируются обобщения об условиях выбора того или иного варианта, но упускается деривационная составляющая. Наконец, объединяет исследования, выполненные в рамках двух архитектур, то, что они характеризуются фрагментарностью и отсутствием системного взгляда на параметры вариативности.

Мы предполагаем, что единственный возможный путь для моделей, сформулированных в бинарно-категориальном ключе, — это отказ от категориальных противопоставлений эмпирического материала. Появление новых исследовательских задач и научных вопросов приводит к необходимости привлекать в качестве эмпирической базы градуальные языковые данные. При моделировании внутриязыковой вариативности прежде всего возникает

задача определить характер противопоставления между вариантами: является ли варьирование свободным или выбор варианта определяется грамматическими факторами. Как мы увидели на примере функционально-типологических подходов к согласованию в русском языке, отдельный вопрос состоит в том, как факторы комбинируются друг с другом и определяется ли согласовательная модель комбинацией конкретных предикторов однозначно или с некоторой вероятностью. Как следствие, при исследовании вариативности возникает необходимость проводить все более тонкие противопоставления языковых конструкций, что в том числе может означать работу с так называемыми «маргинальными» конструкциями, которые нельзя отнести к однозначно допустимым или недопустимым грамматическим реализациям.

При интерпретации подобных маргинальных или малочастотных случаев в логике качественных противопоставлений включение или невключение маргинальной деривации в допустимые будет зависеть от того, с чем она будет сравниваться. В существующих бинарно-категориальных моделях статус «правильного» предложения автоматически приписывается более приемлемому или более частотному предложению, а фактическое расположение на шкале приемлемости или частотность определенного варианта конструкции не учитывается. На наш взгляд, интеграция таких данных в грамматику в конечном счете неизбежна, если авторы бинарно-категориальных теорий будут стремиться к сохранению эмпирической адекватности.

В то же время маргинальные или малочастотные случаи легко интерпретировать как результат сочетания разных грамматических ограничений. Сложность мы связываем с тем, что в таком случае необходимо обобщать действие соответствующих ограничений по языковой системе: в контексте согласования это означает необходимость обобщения по различным типам контролеров и мишеней согласования, допускающим вариативность. В качестве решения проблемы, связанной с интеграцией вариативности в модель грамматики, мы видим применение многофакторных количественных подходов.

4.2. Многофакторный подход как новая парадигма в исследовании вариативности

Мы будем считать моделирование вариативных грамматических феноменов успешным, если оно учитывает все возможные параметры ситуации, в которой происходит выбор альтернативных грамматических вариантов. Перечислим параметры, релевантные для теоретической модели в случае вариативного согласования. Во-первых, как мы обсуждали в разделе 3.2, вариативность определяется классами контролеров и мишеней согласования. Во-вторых, существенную роль играют грамматические признаки, по которым происходит согласование, и их источники: признак может быть постоянной характеристикой именной группы, а может быть переменным — появляться в процессе деривации или присваиваться посредством управления со стороны другого синтаксического элемента. Варьирование в согласовании возникает, если в процессе деривации грамматические характеристики контролера согласования меняются или если в роли контролера согласования могут выступить сразу несколько составляющих. В-третьих, выбор согласовательного варианта может определяться синтаксическими особенностями взаимного расположения мишени и контролера, способами лексического выражения компонентов согласовательной связи, их количеством и другими характеристиками контекста, в котором располагаются контролер и мишень.

Сложность в задаче моделирования представляет собой не столько количество параметров, вовлеченных в выбор согласовательного варианта, сколько необходимость учитывать их одновременное действие в конкретном языковом выражении. При этом разная природа действующих параметров допускает их разнонаправленное действие, в том числе

нивелирование одних параметров или факторов другими. Например, если большая удаленность контролера от подлежащего с количественным существительным *ряд* способствует выбору множественного числа сказуемого, а выражение сказуемого кратким страдательным причастием — выбору единственного числа, какое согласование будет предпочтительным в предложении типа (6) (факторы из [Граудина и др. 1976])? Здесь же возникает вопрос о том, ранжируются ли соответствующие грамматические ограничения, имеют ли они разный вес и должны ли применяться в соответствии с определенным порядком.

(6) *Ряд делегатов от западных стран, в том числе Англии, США, был допущен / были допущены к участию в международном симпозиуме в КНР.*

Другой аспект, который необходимо учитывать, связан с характером действия сходных параметров в различных языковых контекстах. Общий для разных областей языкознания принцип «экономии усилий» предполагает единообразное действие грамматического ограничения одного типа. Например, ожидается, что фактор взаимного расположения контролера и мишени согласования будет идентично проявляться и в случае сочиненных подлежащих, и в случае подлежащих с количественной семантикой, а именно: следование подлежащего за предикатом будет повышать вероятность формы единственного числа [Corbett 1998: 13; Кувшинская 2013: 136; Пекелис 2013: 57]. В терминах моделирования согласовательной вариативности данный аспект предполагает эмпирическое обоснование как раз той силы факторов или грамматических ограничений, которую пытаются оценить некоторые авторы.

Моделирование согласования с учетом всех названных параметров и аспектов предполагает решение задач по поиску корреляционных зависимостей и причинно-следственных связей в языковой системе, которое возможно только за счет обращения к количественным данным. Корпусные данные уже активно привлекались для исследования согласовательной вариативности, но, пожалуй, единичными примерами включения в рассмотрение сразу серии параметров, определяющих варьирование, оказываются упомянутая ранее серия работ Ю. М. Кувшинской о конструкциях с количественным значением и работа [Соловьева 2024], в которой в диахронической перспективе анализируются факторы, влияющие на падеж определения в конструкциях с малыми числительными. Для полноценного применения многофакторного подхода необходимо, с одной стороны, преодолеть распристраненную в корпусных исследованиях фрагментарность исследовательского сюжета, а с другой — усилить количественный аспект эмпирического обоснования, а именно добавлять количественные характеристики для рассматриваемых параметров и более глубокий статистический анализ.

Тем не менее указанные недостатки преодолимы не всегда, в связи с тем что корпусные данные зачастую ограничены. Отдельные комбинации параметров могут быть не представлены или представлены в малом объеме, ср., например, в [Соловьева 2024] существенно меньшее количество примеров за 2000–2024 гг. с числительным *четыре* (1142) по сравнению с числительными *два* (8675) и *три* (3034), которое может оказаться критичным при рассмотрении комбинаций с малочастотными значениями других параметров. Также при малом количестве данных могут возникнуть проблемы коллинеарности факторов, несходимости статистических моделей. Решением в этом случае могут стать экспериментальные методы.

В основе экспериментального синтаксиса лежит факторный подход, основанный на качественных противопоставлениях [Герасимова, Лютикова (в печати)]. Исследователь конструирует языковые выражения, последовательно изолируя потенциальные параметры, которые могут определять грамматичность языкового выражения. Далее, после подбора примеров проводится сбор реакции на языковые стимулы носителей языка. Ключевым свойством методологии становится возможность контролировать количество рассматриваемых параметров и количество языкового материала, соответствующего комбинациям значений данных параметров, и, как следствие, получать статистически надежные результаты для теоретических обобщений.

Ограничения в использовании экспериментального метода касаются количества параметров, которые возможно рассмотреть в эксперименте. Все то многообразие параметров, которые мы перечисляли как релевантные для вариативного согласования в русском языке, никак невозможно рассмотреть одновременно ни в одном эксперименте, ни даже в пяти. Необходимость в соблюдении требований к мощности эксперимента, а также ограничения, связанные с восприимчивостью участников экспериментов к экспериментальному заданию, вынуждают исследователей включать в одно исследование не более четырех-пяти факторов при среднем количестве два-три. Тем не менее экспериментальный метод оказывается применим в рамках многофакторного подхода к вариативным явлениям: решением указанных ограничений становится метаанализ экспериментальных результатов.

Метаанализ представляет собой агрегацию и дальнейшую статистическую обработку результатов серии независимых экспериментальных исследований с целью оценить устойчивость явлений и статистических эффектов [Lipsey, Wilson 2001]. В лингвистике метаисследования проводятся сравнительно недавно. Одни из первых подобных работ встречаются в области психолингвистики, см., например, статью [Mahowald et al. 2016] о синтаксическом прайминге и статью [Jäger et al. 2017] об обработке синтаксических зависимостей, связанных с использованием возвратных местоимений.

В области экспериментального синтаксиса метаисследования затрагивают главным образом проблему синтаксических островов — структурных конфигураций, через границу которых запрещается взаимодействие синтаксических переменных определенного типа. Так, в [Villata 2023] обобщается сила островных ограничений для семи типов островов в английском языке, которые исследовались в 58 отдельных экспериментах (в каждом эксперименте исследовался один из 29 вариантов островов и один из двух типов передвигающихся составляющих). В работе [Lu et al. 2023] представлено метаисследование островных ограничений в английском языке, результаты которого показывают, что островные ограничения разного типа в разной степени подвержены так называемым «эффектам пресъщечения» — увеличению приемлемости конструкций с нарушением островного ограничения, связанному с многократным прочтением данной конструкции носителем языка. Примечательно, что такие исследования дают возможность системной количественной оценки островных ограничений, которую нельзя получить иным способом.

Мы предполагаем, что метаисследовательская парадигма позволит существенно продвинуться в параметризации вариативного согласования и упорядочивании связанных грамматических ограничений. В области вариативного согласования мы находим метаисследование предикативного согласования с сочиненным подлежащим в русском языке [Врубель и др. (в печати)], в котором последовательно в трех экспериментах оцениваются факторы порядка мишени и контролера согласования, рода и одушевленности конъюнктов и симметричности предиката. Авторы приходят к выводу, что только фактор порядка слов оказывается устойчив в контексте эксперимента, что не соответствует обобщениям, высказанным в предшествующих работах. Многофакторное исследование согласования в биноминативных предложениях в русском языке представлено в работе [Герасимова 2023]. В серии из пяти экспериментов одновременно рассматриваются факторы синтаксической конфигурации, грамматических признаков и коммуникативного членения, что позволяет определить механизмы грамматики, обеспечивающие взаимодействие параметров разного порядка.

Говоря о существующих допущениях бинарно-категориальной архитектуры, касающихся интерпретации эмпирических данных, важно отметить еще один тезис. При интерпретации как положительных, так и отрицательных языковых данных тексты и суждения множества носителей анализируются как единое целое, а грамматика языка мыслится единой и однородной. Индивидуальные различия обыкновено считаются шумом, который нивелируется за счет увеличения количества наблюдений. В результате моделирование проводится на основании усредненных данных, хотя такая усредненная модель может нетривиально соотноситься с отдельными грамматическими профилями носителей языка.

Результаты серии экспериментов [Герасимова и др. 2024а; 2024б] свидетельствуют о том, что языковые явления могут показывать различный уровень вариативности не только в отношении предпочтения одного из доступных вариантов, но и в отношении уверенности респондента в собственных предпочтениях. Варьирование в индивидуальных грамматиках носителей языка, а также распределение различных вариантов конструкции на шкале приемлемости в зависимости от разных грамматических параметров могут выступать как дополнительные источники эмпирических данных, в частности, уточнять условия действия грамматических ограничений. Получение данных подобного типа возможно только в рамках многофакторного подхода к варьированию с применением количественных методов исследования.

6. Заключение

Сравнение двух возможных архитектур грамматики: бинарно-категориальной и основанной на взвешенных ограничениях — на материале согласовательной вариативности в русском языке позволяет наметить смену методологической парадигмы при исследовании вариативных явлений от дескриптивной к параметрической. Предложенный в статье многофакторный подход к анализу варьирования предполагает системный взгляд на вариативность: одновременное рассмотрение параметров конструкции, допускающей варьирование, позволяет перейти от отдельных и несвязанных эмпирических обобщений к цельной теоретической модели выбора вариантов. Так, параметризация дает возможность получить принципиально новые обобщения о вариативном согласовании в русском языке.

Воплощение многофакторного подхода становится возможно за счет количественного анализа факторов, лицензирующих определенную языковую форму. В частности, экспериментальный контекст позволяет выделить разные параметры, способствующие выбору того или иного варианта согласования, и увидеть как их самостоятельное влияние, так и взаимодействие. Количественные методы дают дополнительные возможности моделирования внутриязыкового разнообразия, а именно позволяют параметризовать как собственно варьирование в выборе варианта конструкции, так и распределение отдельных грамматических ограничений по индивидуальным грамматикам носителей языка.

В заключение заметим, что изучение внутриязыковой вариативности невозможно без привлечения маргинальных конструкций. Наличие суждений о приемлемости, которые не позволяют классифицировать языковое выражение как однозначно «правильное» или «неправильное» подтверждает, что существование подобных конструкций в языке есть объективная реальность. Подход со взвешенными ограничениями способен моделировать подобное распределение приемлемости, но пока не представлен сколько-нибудь последовательно. Бинарно-категориальные теории по своей структуре отвергают градуальность приемлемости. Однако интеграция таких данных в грамматику в конечном счете станет необходимостью для сохранения эмпирической адекватности бинарно-категориальных теорий. Все более частое обращение к таким конструкциям в русле бинарно-категориальных подходов может свидетельствовать только о зрелости данной архитектуры и готовности последователей искать способы ее развития, а значит, разрабатывать соответствующий понятийный аппарат. Мы не ставим перед собой цели найти ответ на вопрос о том, как такие данные должны вводиться в теорию грамматики, но хотим подчеркнуть, что ответ на данный вопрос невозможен без опоры на многофакторные количественные методы и без определения различий между отдельными конструкциями посредством статистического вывода.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2 — второе лицо

NOM — номинатив

SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- АГ 1960 — Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархударова С. Г. (ред.). *Грамматика русского языка*. В 2-х т. Т. 1: *Фонетика и морфология*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. [Vinogradov V. V., Istrina E. S., Barkhudarova S. G. (eds.). *Grammatika russkogo yazyka* [Russian grammar]. In 2 vols. Vol. 1: *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1960.]
- АГ 1970 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: Наука, 1970. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Grammatika sovremenno russkogo literaturnogo yazyka* [Modern Standard Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Вопросник 1963 — Мучник И. П. (отв. ред.). *Вопросник по современной русской морфологии*. М.: АН СССР, 1963. [Muchnik I. P. (ed.). *Voprosnik po sovremennoi russkoi morfologii* [A questionnaire on Modern Russian morphology]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1963.]
- Врубель и др. (в печати) — Врубель Д. Д., Паско Л. И., Студеникина К. А. «Сильные» и «слабые» факторы при частичном предикативном согласовании: метаисследование. В печати. [Vrubel D. D., Pasko L. I., Studenikina K. A. “Strong” and “weak” factors in partial predicative agreement: A meta-study. In print.]
- Герасимова 2023 — Герасимова А. А. *Количественные методы исследования грамматических ограничений (на материале вариативного согласования в русском языке)*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2023. [Gerasimova A. A. *Kolichestvennye metody issledovaniya grammaticheskikh ogranichenii (na material variativnogo soglasovaniya v russkom yazyke)* [Quantitative methods for studying grammatical restrictions (the case of variable agreement in Russian)]. Candidate diss. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2023.]
- Герасимова, Лютикова (в печати) — Герасимова А. А., Лютикова Е. А. Экспериментальный синтаксис. *Введение в науку о языке*. Федорова О. В., Татевосов С. Г. (отв. ред.). В печати. [Gerasimova A. A., Lyutikova E. A. Experimental syntax. *Vvedenie v nauku o yazyke*. Fedorova O. V., Tatevosov S. G. (eds.). In print.]
- Герасимова и др. 2024а — Герасимова А. А., Лютикова Е. А., Паско Л. И. Языковая компетенция сквозь призму грамматической вариативности. Часть 1. Теоретические и методологические соображения. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2024, 4: 9–22. [Gerasimova A. A., Lyutikova E. A., Pasko L. I. Linguistic competence through the lens of grammatical variation. Part 1. Conceptual and methodological considerations. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2024, 4: 9–22.]
- Герасимова и др. 2024б — Герасимова А. А., Лютикова Е. А., Паско Л. И. Языковая компетенция сквозь призму грамматической вариативности. Часть 2. Количественная оценка. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2024, 5: 111–128. [Gerasimova A. A., Lyutikova E. A., Pasko L. I. Linguistic competence through the lens of grammatical variation. Part 2. Quantitative evaluation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2024, 5: 111–128.]
- Граудина и др. 1976 — Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. *Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*. М.: Наука, 1976. [Graudina L. K., Itskovich V. A., Katlinskaya L. P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov* [Grammatical correctness of the Russian speech: Towards a frequency and stylistic dictionary of variants]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Добрушина, Сидорова 2019 — Добрушина Е. Р., Сидорова М. И. Число предиката в конструкциях типа «те/все, кто пришел/пришли» и падеж вершины — корпусное исследование. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*, 2019, 59: 22–35. [Dobrushina E. R., Sidorova M. I. Number of the predicate in phrases *te/vse, kto prishel/prishli* ‘those/all who came (sg./pl.)’ and the case of the head: A corpus-based study. *St. Tikhon's Univ. Review. Series III: Philology*, 2019, 59: 22–35.]
- Иомдин 1990 — Иомдин Л. Л. *Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования*. М.: Наука, 1990. [Iomdin L. L. *Avtomaticheskaya obrabotka teksta na estestvennom*

- yazyke: model' soglasovaniya* [Automatic natural language processing: An agreement model]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Кибрик 1977 — Кибрик А. Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания. *Проблемы теоретической и прикладной лингвистики*. Кибрик А. Е. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1977, 161–179. [Kibrik A. E. On the relation between the notion of syntactic subordination and the notions of agreement, government, and adjunction. *Problemy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*. Kibrik A. E. Moscow: Moscow Univ. Press, 1977, 161–179.]
- Кибрик 1992 — Кибрик А. Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. Кибрик А. Е. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1992, 102–122. [Kibrik A. E. On the relation between the notion of syntactic subordination and the notions of agreement, government, and adjunction. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija*. Kibrik A. E. Moscow: Moscow Univ. Press, 1992, 102–122.]
- Кувшинская 2013 — Кувшинская Ю. М. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением (по данным НКРЯ за 2000–2010 гг.). *Русский язык в научном освещении*, 2013, 2(26): 112–150. [Kuvshinskaya Yu. M. Predicate agreement with the quantifier phrase in Russian (according to the data of the National Russian Corpus for the period of 2000–2010). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2013, 2(26): 112–150.]
- Кувшинская 2015 — Кувшинская Ю. М. О коммуникативной обусловленности предикативного согласования с именными группами со значением неопределенного количества в русском языке. [Kuvshinskaya Yu. M. On communicative motivation of predicate agreement with noun phrases denoting indefinite quantity in Russian.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2015, 11(2): 659–687.
- Кувшинская 2019 — Кувшинская Ю. М. Предикативное согласование со словами «ряд», «половина», «часть», «множество» в современном русском языке. *Сибирский филологический журнал*, 2019, 2: 189–215. [Kuvshinskaya Yu. M. Predicate agreement with the words *ryad*, *polovina*, *chast'*, *mnozhestvo* in Modern Russian. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2019, 2: 189–215.]
- Лютикова 2015 — Лютикова Е. А. Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2015, 30: 44–74. [Lyutikova E. A. Features, agreement, and structure of the Russian noun phrase. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, 30: 44–74.]
- Мельчук 1974/1999 — Мельчук И. А. *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст»*. М.: Языки русской культуры, 1999 (1-е изд. М.: Наука, 1974). [Mel'čuk I. A. *Opyt teorii lingvističeskikh modelei «Smysl ↔ Tekst»*] [Towards a theory of “Meaning ↔ Text” linguistic models]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999 (1st edn. Moscow: Nauka, 1974.)
- Мельчук 1993 — Мельчук И. А. Согласование, управление, конгруэнтность. *Вопросы языкознания*, 1993, 5: 16–58. [Mel'čuk I. A. Agreement, regimen, congruence. *Voprosy Jazykoznanija*, 1993, 5: 16–58.]
- Мучник 1971 — Мучник И. П. *Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке*. М.: Наука, 1971. [Muchnik I. P. *Grammatičeskije kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke*] [Grammatical categories of the verb and noun in Modern Standard Russian]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Панов (ред.) 1968 — Панов М. В. (ред.). *Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование*. В 4-х кн. Кн. 3: *Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*. М.: Наука, 1968. [Panov M. V. (ed.). *Russkij jazyk i sovetskoe obščestvo. Sotsiologo-lingvističeskoe issledovanie*] [Russian language and the Soviet society. A sociolinguistical study]. In 4 books. Book 3: *Morfologija i sintaksis sovremennoho russkogo literaturnogo yazyka*] [Morphology and syntax of Modern Standard Russian]. Moscow: Nauka, 1968.]
- Пекелис 2013 — Пекелис О. Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей. *Вопросы языкознания*, 2013, 4: 55–86. [Pekelis O. E. Partial agreement with subjects linked by a correlative conjunction: A corpus-based study of main regularities. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 4: 55–86.]
- Перетрухин 1979 — Перетрухин В. Н. *Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. [Peretrukhin V. N. *Problemy sintaksisa odnorodnykh členov predloženiya v sovremennom russkom yazyke*] [Issues in the syntax of conjuncts in Modern Standard Russian]. Voronezh: Voronezh Univ. Press, 1979.]
- Пешковский 1938 — Пешковский А. М. *Русский синтаксис в научном освещении*. М.: Учпедгиз, 1938. [Peshkovskii A. M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii*] [Russian syntax in a scientific light]. Moscow: Uchpedgiz, 1938.]

- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*. В 2-х т. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow: Nauka, 1980.]
- Розенталь 1967 — Розенталь Д. Э. *Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати*. М.: Книга, 1967. [Rozenal D. E. *Spravochnik po pravopisaniiu i literaturnoi pravke: dlya rabotnikov pečati* [A handbook on orthography and literary editing]. Moscow: Kniga, 1967.]
- Розенталь 1974 — Розенталь Д. Э. *Практическая стилистика русского языка*. М.: Высшая школа, 1974. [Rozenal D. E. *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka* [Practical stylistics of Russian]. Moscow: Vysshaya shkola, 1974.]
- Сидорова 2014 — Сидорова М. И. Закономерности выбора единственного или множественного числа глагола в конструкциях типа «те, кто пришел»/«те, кто пришли». *Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международной конгресс исследователей русского языка: труды и материалы*. Ремнева М. Л., Поликарпов А. А., Кукушкина О. В. (сост.). М.: Изд-во МГУ, 2014, 313–314. [Sidorova M. I. Patterns in choice of singular and plural verb forms in the constructions like *te, kto prishel/te, kto prishli* 'those who came (sg/pl)'. *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremenost'*: V Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka: Proceedings. Remneva M. L., Polikarpov A. A., Kukushkina O. V. (comps.). Moscow: Moscow Univ. Press, 2014, 313–314.]
- Сидорова 2017 — Сидорова М. И. Особенности выбора конструкций типа «все/те, кто пришел/пришли» в текстах разных авторов на базе НКРЯ. *XXVII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы конференции*. Воробьев В. (гл. ред.). М.: ПСТГУ, 2017, 275–276. [Sidorova M. I. Aspects of the choice of constructions like *vse/te, kto prishel/prishli* in the texts of different authors based on the National Russian Corpus. *XXVII Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta: Conf. proc.* Vorob'ev V. (ed.). Moscow: Saint Tikhon's Orthodox Univ. for the Humanities, 2017, 275–276.]
- Скобликова 1970 — Скобликова Е. С. *Согласование и управление как способы синтаксической организации слов в русском языке*. Дис. ... докт. филол. наук. Л.: Ленинградский гос. педагогический институт имени А. И. Герцена, 1970. [Skoblikova E. S. *Soglasovanie i upravlenie kak sposoby sintaksicheskoi organizatsii slov v russkom yazyke* [Agreement and government as means of syntactic organization of words in Russian]. Candidate diss. Leningrad: Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1970.]
- Скобликова 1971 — Скобликова Е. С. *Согласование и управление в русском языке*. М.: Просвещение, 1971. [Skoblikova E. S. *Soglasovanie i upravlenie v russkom yazyke* [Agreement and government in Russian]. Moscow: Prosveshchenie, 1971.]
- Соловьева 2024 — Соловьева М. С. *Морфосинтаксис конструкций с малыми числительными в русском языке XVIII–XXI веков (корпусное исследование)*. Дипломная работа бакалавра. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2024. [Solov'eva M. S. *Morfosintaksis konstruktсии s malymi chislitel'nyimi v russkom yazyke XVIII–XXI vekov (korpusnoe issledovanie)* [Morphosyntax of Russian paucal constructions in the XVIII–XXI centuries (a corpus study)]. BA thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2024.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2001. [Testelets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Ackema, Neeleman 2018 — Ackema P., Neeleman A. *Features of person: From the inventory of persons to their morphological realization*. Cambridge (MA): MIT Press, 2018.
- Arregi, Nevins 2012 — Arregi K., Nevins A. *Morphotactics*. Springer: Dordrecht, 2012.
- Barbosa et al. 1998 — Barbosa P., Fox D., Hagstrom P., McGinnis M., Pesetsky D. *Is the best good enough? Optimality and competition in syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 1998.
- Béjar, Kahnemuyipour 2017 — Béjar S., Kahnemuyipour A. Non-canonical agreement in copular sentences. *Journal of Linguistics*, 2017, 53(3): 463–499.
- Béjar, Kahnemuyipour 2018 — Béjar S., Kahnemuyipour A. Not all phi-features are created equal: A reply to Hartmann and Heycock. *Journal of Linguistics*, 2018, 54(3): 629–635.
- Béjar, Rezac 2003 — Béjar S., Rezac M. Person licensing and the derivation of PCC effects. *Romance linguistics: Theory and acquisition*. Perez-Leroux A. T., Roberge E. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003, 49–62.
- Bhatt, Walkow 2013 — Bhatt R., Walkow M. Locating agreement in grammar: An argument from agreement in conjunctions. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2013, 31(4): 951–1013.

- Blutner 2000 — Blutner R. Some aspects of optimality in natural language interpretation. *Journal of Semantics*, 2000, 17: 189–216.
- Blutner, Zeevat (eds.) 2003 — Blutner R., Zeevat H. (eds.). *Optimality theory and pragmatics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
- Bod et al. (eds.) 2003 — Bod R., Hay J., Jannedy S. (eds.). *Probabilistic linguistics*. Cambridge (MA): MIT Press, 2003.
- Chomsky 1957 — Chomsky N. *Syntactic structures*. The Hague; Paris: Mouton, 1957.
- Chomsky 1961 — Chomsky N. Some methodological remarks on generative grammar. *Word*, 1961, 17: 219–239.
- Chomsky 1965 — Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 1965.
- Chomsky 1995 — Chomsky N. *The Minimalist Program*. Cambridge (MA): MIT Press, 1995.
- Corbett 1979 — Corbett G. G. The agreement hierarchy. *Journal of Linguistics*, 1979, 15(2): 203–224.
- Corbett 1983 — Corbett G. G. *Hierarchies, targets and controllers: Agreement patterns in Slavic*. London: Croom Helm, 1983.
- Corbett 1998 — Corbett G. G. Agreement in Slavic. *Glossos*, 1998, 10: 1–61.
- Corbett 2003 — Corbett G. G. Agreement: Canonical instances and the extent of the phenomenon. *Morphology: Selected papers from the Third Mediterranean Morphology Meeting, September 20–22, 2001*. Booi G. E., DeCesaris J., Ralli A., Scalise S. (eds.). Barcelona: Institut Universitari de Lingüística Aplicada Barcelona, 2003, 109–128.
- Featherston 2019 — Featherston S. The Decathlon model. *Current approaches to syntax: A comparative handbook*. Kertész A., Moravcsik E., Rákosi C. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2019, 155–186.
- Gahl, Garnsey 2004 — Gahl S., Garnsey S. Knowledge of grammar, knowledge of usage: syntactic probabilities affect pronunciation variation. *Language*, 2004, 80(4): 748–75.
- Hartmann, Heycock 2016 — Hartmann J. M., Heycock C. Evading agreement: A new perspective on low nominative agreement in Icelandic. *Proceedings of the 46th Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS)*. Vol. 2. Hammerly C., Prickett B. (eds.). Amherst: GLSA Publ., 2016, 67–80.
- Hartmann, Heycock 2017 — Hartmann J. M., Heycock C. Variation in copular agreement in Insular Scandinavian. *Syntactic variation in insular Scandinavian*. Thráinsson H., Heycock C., Petersen H. P., Hansen Z. S. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017, 233–275.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*, 2010, 86(3): 663–687.
- Hendriks, de Hoop 2001 — Hendriks P., de Hoop P. Optimality theoretic semantics. *Linguistics and Philosophy*, 2001, 24: 1–32.
- Heycock 2021 — Heycock C. Multivaluation (or not) in Icelandic. Talk presented at the *Workshop on Agreement in Multivaluation Constructions, 19–20 May 2021, Goethe University, Frankfurt*.
- Jaeger, Snider 2008 — Jaeger F., Snider N. Implicit learning and syntactic persistence: Surprisal and cumulativity. *Proceedings of the 30th Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Love B. C., McRae K., Sloutsky V. M. (eds.). Washington, DC: Cognitive Science Society, 2008, 1061–1066.
- Jäger et al. 2017 — Jäger L. A., Engelmann F., Vasishth S. Similarity-based interference in sentence comprehension: Literature review and Bayesian meta-analysis. *Journal of Memory and Language*, 2017, 94: 316–339.
- Lakoff 1973 — Lakoff G. Fuzzy grammar and the performance/competence terminology game. *Papers from the Ninth Regional Meeting*. Corum C., Smith-Stark T. C., Weiser A. (eds.). Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973, 271–291.
- Legendre et al. (eds.) 2001 — Legendre G., Grimshaw J., Vikner S. (eds.). *Optimality-theoretic syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 2001.
- Lipsey, Wilson 2001 — Lipsey M. W., Wilson D. B. *Practical meta-analysis*. Thousand Oaks: Sage Publ., 2001.
- Lu et al. 2023 — Lu J., Frank M. C., Degen J. *A meta-analysis of syntactic satiation in extraction from islands*. Ms., 2023. https://lingbuzz.net/lingbuzz/007198/current.pdf?_s=UPGXcuMuGjQirj1.
- Lyskawa 2021 — Lyskawa P. *Coordination without grammar-internal feature resolution*. Doctoral diss. College Park: Univ. of Maryland, 2021.
- Mahowald et al. 2016 — Mahowald K., James A., Futrell R., Gibson E. A meta-analysis of syntactic priming in language production. *Journal of Memory and Language*, 2016, 91: 5–27.
- Nevins 2007 — Nevins A. The representation of third person and its consequences for person-case effects. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2007, 25(2): 273–313.
- Nevins 2011 — Nevins A. Multiple agree with clitics: Person complementarity vs. omnivorous number. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2011, 29(4): 939–971.

- Postal 1966 — Postal P. On so-called “pronouns” in English. *Report of the 17th Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Studies*. Dinneen F. P. (ed.). Washington, DC: Georgetown Univ. Press, 1966, 177–206.
- Preminger 2011 — Preminger O. Asymmetries between person and number in syntax: a commentary on Baker’s SCOPA. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2011, 29(4): 917–937.
- Preminger 2014 — Preminger O. *Agreement and its failures*. Cambridge (MA): MIT Press, 2014.
- Sigurðsson, Holmberg 2008 — Sigurðsson H. Á., Holmberg A. Icelandic dative intervention: Person and number are separate probes. *Agreement restrictions*. D’Alessandro R., Fischer S., Hrafnbjargarson G. H. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2008, 251–279.
- Sprouse 2015 — Sprouse J. Three open questions in experimental syntax. *Linguistics Vanguard*, 2015, 1: 89–100.
- Sprouse et al. 2012 — Sprouse J., Wagers M., Phillips C. A test of the relation between working memory capacity and syntactic island effects. *Language*, 2012, 88(1): 82–123.
- Villata 2023 — Villata S. The strong/weak island distinction: A large-scale acceptability judgment study in English. Talk at *SemLin, 21 April 2023, Univ. of the Basque Country, Bilbao*.
- Wurmbrand 2012 — Wurmbrand S. *Agreement: Looking up or looking down?* Ms., 2012. https://www.academia.edu/1533673/Agreement_Looking_up_or_looking_down.
- Wurmbrand 2014 — Wurmbrand S. The Merge Condition: A syntactic approach to selection. *Minimalism and beyond: Radicalizing the interfaces*. Kosta P., Franks S. L., Radeva-Bork T., Schürcks L. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014, 130–167.
- Wurmbrand 2017 — Wurmbrand S. Feature sharing or how I value my son. *The Pesky Set: Papers for David Pesetsky*. Halpert C., Kotek H., van Urk C. (eds.). Cambridge (MA): MIT Working Papers in Linguistics, 2017, 173–182.
- Zeijlstra 2012 — Zeijlstra H. There is only one way to agree. *The Linguistic Review*, 2012, 29(3): 491–539.

Получено / received 13.09.2024

Принято / accepted 19.11.2024

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 99.99.2025. Дата выхода в свет 99.99.2025. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л.: 99,9. Уч.-изд. л. 99,9. Тираж 999 экз. Заказ 999. Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-03 -24 ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1